

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН
ГАЛИНА МАКАРОВА

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ
«МАСТЕРА
И МАРГАРИТЫ»

М. Булгаков

БУЛГАКОВ И ДЬЯВОЛ

**Галина Викторовна Макарова
Анатолий Александрович Абрашкин
Булгаков и дьявол. Опасные
тайны «Мастера и Маргариты»
Серия «Расшифрованная литература»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67259420*

*Булгаков и Дьявол: опасные тайны «Мастера и
Маргариты» / Анатолий Абрашкин, Галина Макарова: Эксмо: Яуза,;
Москва ; 2021
ISBN 978-5-04-119152-8*

Аннотация

К 130-летию со дня рождения Михаила Булгакова! «Роман о Дьяволе» – так определял сам Булгаков замысел «Мастера и Маргариты».

Что за отношения были у великого писателя с нечистой силой и как менялся его главный роман от первой версии, озаглавленной «Черный маг», до предпоследней – «Князь тьмы»?

На чем основана детективная линия булгаковского шедевра?

Кого считать реальными прототипами Воланда, Азazelло, Коровина, Бегемота?

И какую цену пришлось заплатить Булгакову за попытку заглянуть в Бездну и проникнуть в «ведомство Сатаны»?

Отвечая на все эти вопросы, данная книга разгадывает тайные шифры и опасные загадки величайшего романа русской литературы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	11
Глава 2	19
Черный маг	21
Копыто инженера	24
Великий канцлер	28
Князь тьмы	29
Вторая полная рукописная редакция романа	30
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Анатолий Абрашкин,
Галина Макарова
Булгаков и Дьявол:
опасные тайны
«Мастера и Маргариты»**

© Абрашкин А.А., 2021

© Макарова Г.В., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Сохранилось предание, что последней печалью умирающего Булгакова был роман о Мастере¹. «Хочу, чтобы они знали...» – прошептал Михаил Афанасьевич наклонившейся над ним жене. Эти предсмертные слова писателя – духовная заповедь живущим понять глубинный смысл его книги, задуматься над судьбой героев и с неотвратимостью осознать, что «праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: нечестивые привлекли ее и руками, и словами, сочли ее другом и заключили союз с нею...» (Книга Премудрости Соломона 1, 15–16).

Елена Сергеевна (последняя жена Булгакова) сохранила роман и добилась его издания. Нам же надлежит постигнуть суть авторского замысла, попытаться косвенным образом найти причины, побудившие Булгакова взяться за перо, почувствовать тончайшие связи между образами персонажей книги и сохранявшимися в душе писателя воспоминаниями о реальных людях и событиях, между видениями, созданными фантазией одного человека, и литературными «теньями», проступающими из глубины времен и эпох.

Многие читатели романа «Мастер и Маргарита» чувствуют, что в тексте скрыты некие тайны, и пытаются разгадать их. Общим в этих поисках является убеждение в том, что

Булгаков рассказал о событиях, произошедших в действительности, но придал реалиям форму вымысла, скрыв их от недоброго ума. При таком взгляде сочинение писателя предстает образцом зашифрованной прозы. Но «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным... Если кто имеет уши, да услышит!» (Евангелие от Марка 4, 22–23).

«Мастер и Маргарита» читается на одном дыхании. Есть в романе очарование, он написан с любовью к каждому слову, к каждой буковке. Перевернув последнюю страницу, вдруг с восхищением обнаруживаешь, что соприкоснулся с чем-то глубоко цельным, высоким и прекрасным. Но обязательная растерянность наступает, как только задашь себе вопрос – а о чем, собственно, этот роман? Что в нем следует выделить как первостепенное, главное? И кто, наконец, главный герой – Мастер, Воланд, Пилат или, быть может, Иван?

На первый взгляд кажется, что ответ заключен в названии книги. Конечно же, это книга о Мастере, о творчестве и страданиях, с которыми сталкивается гениальный писатель, и о большой и настоящей любви. Но уже в следующее мгновение приходит мысль, что этой паре возлюбленных посвящена лишь мизерная часть текста. Мастер вообще появляется в романе только в 13-й главе. Правда, она называется «Явление героя», и это выглядит как подсказка, но отчего-то не хочется думать, что все так просто. Более того, обратившись к истории создания романа, вдруг обнаруживаешь, что в первоначальном его замысле образ Мастера отсутствовал и что

с момента начала работы над книгой в 1928 году вплоть до 1938 года сам автор чаще всего называл ее романом о дьяволе. С появления нечистой силы в Москве начинается действие в романе и описанием прощания со столицей заканчивается. Все события, о которых идет речь, так или иначе связаны с Воландом и его необыкновенной компанией. И если язык не поворачивается назвать черного мага главным героем, то нельзя не признать, что тема дьявола является доминирующей. Это особенность булгаковского сочинения, его «изюминка». Но откуда проистекал этот интерес к «темной» стороне мира, какие идеи питали фантазию Михаила Афанасьевича?..

Глава 1

Первые опыты демонологии

В сентябре 1922 года в литературном приложении к газете «Накануне» появилось небольшое сочинение Михаила Афанасьевича под названием «Похождения Чичикова». Современные литературоведы квалифицируют его как фельетон или маленькая сатирическая повесть. Но сам автор снабдил свое произведение подзаголовком «Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом». Такое уточнение указывает на то, что молодой писатель подражает Гоголю. «Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью: «Мертвые души», шутник-сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница. <...> И двинулась вся ватага на Русь...». Чудный зачин! Двумя фразами Булгаков определил то направление, которое будет определяющим в его творчестве – Русь и одолевающая ее нечисть.

Гоголевский Чичиков охотится за мертвыми душами, он намеревается стать, а в ходе действия и становится хозяином призраков, мертвецов. В этом своем качестве он, безусловно, выступает посредником между тем и этим мирами, посланником сатаны. Да и фамилия его, как нам думается, воз-

никла от слова «шишига», одного из имен черта. Набоков также находил Чичикова не просто дьявольским пошляком, но прямым агентом Вельзевула: «Да и сам Чичиков – всего лишь низко оплачиваемый агент дьявола, адский коммивояжер: «наш господин Чичиков», как могли бы называть в акционерном обществе «Сатана и К^о» этого добродушного, упитанного, но внутренне дрожащего представителя. Пошлость, которую олицетворяет Чичиков, – одно из главных отличительных свойств дьявола, в чье существование, надо добавить, Гоголь верил куда больше, чем в существование бога. Трещина в доспехах Чичикова, эта ржавая дыра, откуда несет гнусной вонью (как из пробитой банки крабов, которую покалечил и забыл в чулане какой-нибудь ротозей), – неременная щель в забрале дьявола».

Булгаковский Чичиков – тоже своеобразный предтеча Воланда, он появляется в Москве невесть откуда и также производит нечто из ряда вон выходящее: трест для выделки железа из деревянных опилок, колбасу издохлого мяса, липовую электрификацию и т. д. В эпилоге все его жульнические проделки выдаются за сон, но у читателя не остается никаких сомнений, что Чичиковы и ноздревы были явью нэповской России. В «Мастере и Маргарите» Воланд и его компания будут куролесить и дурить головы московским гражданам, подобно Чичикову. Но чем не запятнал себя, в отличие от них, Павел Иванович, так это поджогами и убийствами.

К той же эпохе относится и действие «Дьяволиады», из-

данной в 1924 году. Сам писатель оценивал ее в своем дневнике как «дурацкую, ни к черту не годную». Но нам важен сам выбор темы и поиск изобразительных средств для описания человеческого умопомрачения. У «Дьяволиады» тоже есть подзаголовок – «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя». Он крайне важен для читателя, так как попеременное появление перед делопроизводителем Коротковым братьев Кальсонеров, один из которых имеет бороду, а другой нет, способно помутить самый трезвый рассудок. Положение усугубляется еще тем, что у Короткова есть свой «двойник» – гражданин Колобков, чрезвычайно схожий с ним, только с усиками. Будучи не в силах разгадать ребус с Кальсонерами и принимаемый, где надо и не надо, за Колобкова Коротков все больше и больше погружается в бездну безумия.

Вдобавок ко всему у него крадут документы, и он как бы исключается из числа живущих на этом свете. Булгаков обыгрывает эту ситуацию, описывая попытку получить Коротковым новый документ у председателя домового комитета. «На двери флигеля было написано: «Домовой». Рука Короткова уже протянулась к кнопке, как глаза его прочитали: «По случаю смерти свидетельства не выдаются». По случаю чьей смерти? Домового? Смешно. А может, по случаю смерти самого Короткова? Еще смешнее, но очень похоже на правду. Живой труп, мертвая душа. Коротков именно так себя и ощущает, признаваясь: «<...> я неизвестно кто. Кон-

чено. Ни арестовать, ни женить меня нельзя».

У «Дьяволиады» был литературный источник – повесть Ф.М. Достоевского «Двойник», вышедшая с подзаголовком «Петербургская поэма». Она посвящена описанию явления черта титулярному советнику Якову Петровичу Голядкину. Черт этот, на удивление, не похож на то привычное рогатое чудище, которое рисует нам народная традиция. Он объявляется перед читателем в человеческом образе, причем оказывается, что он как две капли воды схож с героем поэмы. Писатель именует его Голядкин-младший или Голядкин-второй. Это двойник Голядкина-старшего, Голядкина-человека, который имел несчастье влюбиться. Приключения, которые пережил Яков Петрович, не поддаются пересказу, о них стоит подробно прочитать. Самое любопытное, что они настолько же фантастичны, насколько и реальны. Одно слово – поэма! Мастерство и творческий метод Достоевского таковы, что читатель постоянно колеблется от неверия к вере, от ощущения небывальщины к самой суровой правде. Писатель как бы проверяет на прочность его психику, показывает ему возможные пути нисхождения в умственный ад. Но все то же можно сказать и о булгаковской повести, где близнецы-Кальсонеры вконец расстроили разум делопроизводителя.

В одном из писем брату Достоевский, упоминая о «Двойнике», признается: «Тебе он понравится больше «Мертвых душ». Налицо желание Федора Михайловича превзойти ге-

ниального мастера по части более глубокого проникновения в мир нечистой силы. Достоевский изучал бесов, скрытых в человеческих душах. Точно таким же путем поначалу двигался и Булгаков. «Похождения Чичикова» и «Дьяволиада» вполне реалистичны и лишены мистики. В них, собственно, нет дьявола. Он появится в более поздних сочинениях. И гоголевское мирозерцание в творчестве Булгакова перевесит духовные искания Достоевского. Продолжая именно гоголевскую традицию изображения нечистой силы, Михаил Афанасьевич придет к своим знаменитым демоническим персонажам из «Мастера и Маргариты».

Но и влияние Достоевского даст себя знать. Одиннадцатая глава «Мастера и Маргариты» прямо названа «Раздвоение Ивана». Приведем ее фрагмент, выделив ключевые фразы, будоражающие поэта:

«Теперь Иван лежал в сладкой истоме и поглядывал то на лампочку под абажуром, льющую с потолка смягченный свет, то на луну, выходящую из-за черного бора, и **беседовал сам с собою.**

– Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? – рассуждал поэт. – В конечном счете, ну его в болото! **Кто я, в самом деле,** кум ему или сват? Если как следует провентилировать этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал-то как следует покойника. В самом деле, что мне о нем было известно? Да ничего, кроме того, что он был лыс и красноречив до ужаса.

И далее, граждане, – продолжал свою речь Иван, обращаясь к кому-то, – разберемся вот в чем: **чего это я, объясните, взбесился** на этого консультанта, мага и профессора с пустым и черным глазом? К чему вся эта нелепая погоня за ним в подштанниках и со свечечкой в руках, а затем и дикая петрушка в ресторане?

– **Но-но-но,** – вдруг сурово сказал где-то, не то внутри, не то над ухом, прежний Иван Ивану новому, – про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее? Как же не взволноваться?

– **О чем, товарищи, разговор!** – возражал новый Иван ветхому, прежнему Ивану, – что здесь дело нечисто, это понятно даже ребенку. Он личность незаурядная и таинственная на все сто. **Но ведь в этом-то самое интересное и есть! Человек** лично был знаком с Понтием Пилатом, чего же вам еще интереснее надо? И вместо того, чтобы поднимать глупейшую бузу на Патриарших, не умнее ли было вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом и с этим арестованным Га-Ноцри?

А я черт знает чем занялся! Важное, в самом деле, происшествие – редактора журнала задавило! Да что от этого, журнал, что ли закроется? Ну, что ж поделаешь: человек смертен и, как справедливо сказано было, внезапно смертен. Ну, царство небесное ему! Ну, будет другой редактор и даже, может быть, еще красноречивее прежнего.

Подремав немного, Иван новый ехидно спросил у старого

Ивана:

– **Так кто же я такой выхожу в этом случае?**

– **Дурак! – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта».**

Бездомный, самокопаясь, договорился до чертиков. Дьявол как бы материализовался и незримо присутствует рядом с ним. Писатель трижды повторяет «в самом деле». Тем самым он подчеркивает истинность происходящего. Иван неожиданно убеждается в поспешности слов, вылетевших у него на Патриарших:

«– А дьявола тоже нет? – вдруг весело осведомился больной у Ивана Николаевича.

– И дьявола...

– Не противоречь! – одними губами шепнул Берлиоз, обрушиваясь за спину профессора и гримасничая.

– Нету никакого дьявола! – растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, – вот наказание! Перестаньте вы психовать».

Запсиховал, однако, сам Иван, что и заставило Воланда расхохотаться. Но самое забавное, что Иван убеждается в существовании дьявола не на Патриарших, не во время личной встречи, а лишь в больнице, оставшись наедине с собой. Иногда надо «потерять голову», чтобы добраться до истины. Впрочем, если бы Иван рассказал о своих видениях доктору Стравинскому, тот бы ничуть не удивился. Он прочитал бы

Бездомному лекцию по психоанализу и объяснил бы, следуя Фрейду, что образ Ивана ветхого следует соотносить с моральными предписаниями, навязываемыми человеку обществом (Сверх-Я), образ Ивана нового – с его собственным сознанием, контролируемым на все сто (это наше Я), а голос консультанта породило его подсознание (бессознательное, фрейдово Оно). Так что никакого дьявола, действительно, нет и быть не может...

Как бы то ни было, Иван столкнулся с тем, что наши сказки называют тридевятым царством, тридесатым государством. Булгаковская сказочка про Ивана стала впечатляющим продолжением его «Дьяволиады». И уж ее-то никак не назовешь дурачкой!

Глава 2

Редакции романа о дьяволе

Каждая идея, образ, вещь, каждое Нечто, доступное нашим чувствам и разуму, имеет свою историю. Это в полной мере относится к роману «Мастер и Маргарита», над которым Булгаков начал думать со второй половины 1928 года. Работа продолжалась вплоть до самой смерти писателя, последовавшей в 1940 году. Весь опыт своей жизни Булгаков вложил в свой «закатный» роман «Мастер и Маргарита», в свою главную книгу.

В центре повествования судьба талантливого писателя, которого обычно соотносят с самим автором. Считается также, что прообразом Маргариты была Елена Сергеевна. Роман во многом автобиографичен. Булгаков испытал и травлю в печати, и унижительные допросы в ОГПУ. Его пьесы периодически запрещались, произведения не печатались. Свой последний роман Булгаков писал, что называется, в стол, практически не надеясь увидеть его опубликованным. Первые редакции романа писатель сжег. Сохранились лишь отдельные главы или фрагменты текста. Видимо, сделал он это из соображений безопасности. В знаменитом обращении Булгакова к Правительству СССР от 28 марта 1930 года есть такие слова: «Ныне я уничтожен... Погибли не только мои

прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печь черновик романа о дьяволе». И в последующие годы писатель периодически уничтожал большие куски текста, содержащие излишне смелую сатиру на советскую действительность. Но все же, основываясь на сохранившихся фрагментах, можно проследить общее направление развития замысла Булгакова и выделить важнейшие этапы его работы. Охарактеризуем вкратце различные редакции романа.

Черный маг (1928–1929)

В этой, первой редакции романа иностранец представляется друзьям Вельяр Вельяровичем Воландом (Велиар – одно из имен дьявола). Действует Воланд поначалу в одиночку, без помощников. Своими провокационными выпадами на Патриарших он доводит Иванушку до состояния безумия, и тот размечает им же на песке нарисованное изображение Христа. Воланд таким образом испытывал не столько Ивана, сколько Берлиоза, которого и призывал остановить своего приятеля от безумного действия. Но хитроумный литератор, понимавший суть происходящего, уклонился от вмешательства и позволил Иванушке совершить роковой шаг. Следующая за этим гибель Берлиоза на трамвайных путях воспринимается как расплата за неслыханное богоборчество. Смерть Берлиоза описана в деталях, с жуткими подробностями.

Всего в данной редакции 15 глав. Ближе к ее концу, в одиннадцатой главе появляется специалист по демонологии Феся, плохо говоривший по-русски, но владевший именем в Подмосковье. После революции этот специалист многие годы читал лекции в Художественных мастерских до того момента, пока в одной из газетных статей не появилось сообщение о том, что Феся в бытность свою помещиком из-

мывался над мужиками в имении. Феся опроверг это сообщение довольно убедительно, заявив, что русского мужика он ни разу не видел в глаза. Впоследствии выяснилось, что одного мужика он все-таки видел, но им оказался... граф Лев Николаевич Толстой:

«Феся был потрясен.

– Клянусь мадонной, – заметил он, – Россия необыкновенная страна! Графы в ней – вылитые мужики!

Таким образом, Феся не солгал».

Булгаков предельно ироничен к своему герою. Это кабинетный червь, утративший связь с реальным миром, жизнью людей. Он автор работ «Категории причинности и каузальная связь», «История как агрегат биографии» (ха-ха!), увлекается мистикой, демонологией и, судя по сохранившимся отрывкам, должен был встретить Воланда. Некоторые литературоведы совершенно неоправданно пытаются видеть в нем предшественника Мастера. Другое дело, что роль Феей как исследователя ведомства дьявола в более поздних редакциях сыграли на пару Мастер и Иван Бездомный. Изначально задуманный образ Феей развивался, тем самым, не прямолинейно, не односторонне, а многопланово.

В тринадцатой главе «Черного мага» в окружении Воланда появляются новые персонажи – рожа с вытекшим глазом и провалившимся носом, маленький человечешко в черном берете, рыжая голая девица, два кота... Буфетчик из Варьете увидел Воланда таким:

«На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что. Не то черные подштанники, не то трико. Все это, впрочем, буфетчик разглядел плохо. Зато лицо хозяина разглядел. Верхняя губа выбрита до синевы, а борода торчит клином. Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, бог знает на чем, невероятным.

– Внушительный мужчина, а рожа кривая, – отметил буфетчик».

Воланд сам разговаривает с буфетчиком. Сифилитик Азазелло здесь представлен уродом, облачившимся в шутовской наряд: «Один глаз вытек, нос провалился. Одета была рожа в короткий камзольчик, а ноги у нее разноцветные, в полосах, и башмаки острые. На голове росли рыжие волосы кустами, а брови были черного цвета, и клыки росли куда попало. Тихий звон сопровождал появление рожи, и немудрено: рукава рожи, равно как и подол камзола, были обшиты бубенчиками. Кроме того, горб».

Действие разворачивается в июне 1935 года.

Копыто инженера (1929–1930)

Вторая редакция отмечена необычайно глумливым поведением Воланда после гибели Берлиоза (в других редакциях этот текст уже не повторяется):

«Ай, яй, яй – вскричал Воланд, увидев Иванушку, – Иван Николаевич, такой ужас!..

– Нет, – прерывисто заговорил Иванушка. – Нет! Нет... стойте...

Воланд выразил на лице притворное удивление. Иванушка же, придя в бешенство, стал обвинять иностранца в причастности к убийству Берлиоза и вопил: «Признавайтесь!» В ответ Воланд предложил Иванушке выпить валерьяновых капель и, продолжая издеваться, проговорил:

«Горе помутило ваш разум, пролетарский поэт... У меня слабость... Не могу выносить... ауфвидерзеен.

– Злодей, вот кто ты! – глухо и злобно прохрипел Иванушка... – К Кондрату Васильевичу стоит вас отправить. Там разберут, будь покоен!

– Какой ужас, – беспомощно... и плаксиво заныл Воланд... – Молодой человек... некому даже сообщить, не разбираю здесь...»

И тогда Иванушка бросился на Воланда.

«Тот тяжелой рукой сдавил Иванушкину кисть, и... он по-

пал как бы в капкан, рука стала наливаться... обвисла, колени задрожали...

– Брысь, брысь отсюда, – проговорил Воланд, да и чего ты торчишь здесь... Не подают здесь... Божий человек... – В голове завертелось от таких слов у Иванушки, и он сел... И представились ему вокруг пальмы...

Воланд этой редакции вообще «тянет» на главного героя. Именно он излагает содержание древних глав, которые названы «Евангелие от Воланда». Берлиоз берется даже напечатать некоторые его главы, «правда, при условии некоторых исправлений». В свете воландовского авторства весьма привлекательно и очень смешно выглядит совет Иешуа:

«А я бы тебе, игемон, посоветовал пореже употреблять слово «черт», – заметил арестант.

– Не буду, не буду, не буду, – расхохотавшись, ответил Пилат, – черт возьми, не буду».

В отличие от первой редакции Воланд представляется специалистом по белой магии. Магия, как ее ни назови, все равно магия. Ее «цветность» характеризует цели и задачи, преследуемые исполнителями магических обрядов. Белой магией называют сакральные знания, используемые во благо и на пользу людей. Черной именуют знания, так или иначе связанные с действием нечисти, бесов и сатаны. Носителями белой магии выступают маги, носителями черной – колдуны. Отличие колдуна от мага во всех «ипостасях» последнего (кудесник, волхв, чаровник) состоит в следующем: колдун

знается с нечистой силой, через нее получает особые способности, которые и использует во вред окружающим. Подобно ведьмам, колдуны заключают договор с сатаной и продают ему свои души; этот договор скрепляется кровью. От ново-явленного колдуна требуется отречься от Бога, то есть снять с шеи крест и спрятать его под правую пятку, или встать ногами на икону, положенную на землю вниз, и богохульствовать. Если колдун не придумает занятия для нечисти, которая подчиняется ему с момента заключения договора, эта нечисть его замучает: отсюда истории о том, как колдуны заставляли чертей вить веревки из воды и т. д. Заключив договор, колдун получает от сатаны черную книгу (почему колдуна еще называют чернокнижником), которая позволяет вызывать бесов. Перед смертью колдун должен отказать кому-либо эту книгу, иначе он будет приходить за ней из могилы.

Булгаков долго и тщательно размышлял над образом Воланда. Называя его черным магом (в первой редакции), писатель закреплял за ним способности и колдуна, и мага. Властвуя в мире демонов, Воланд вполне мог работать и на пользу человеческого общества. Во второй редакции Булгаков «обелил» своего героя, возвел в ранг магов. Он стал называть его инженером (человеческих душ), указав на устремленность Воланда к добрым начинаниям. Видимо, как и в «Роковых яйцах», писатель задумывал вложить в свое произведение известный заряд иронии. В последних редакциях романа, од-

нако, Булгаков вернулся к первоначальному варианту и «назначил» Воланда профессором черной магии. Слово «профессор» здесь таит в себе сразу несколько смысловых значений. Это намек на ограниченность зла (не вседозволенность, не академик же) и на особое пристрастие инженера к науке. С другой стороны, это откровенная насмешка над дьяволом, пекущимся об имидже ученого...

Через некоторое время после уничтожения рукописей и телефонного разговора со Сталиным 18 апреля 1930 г. Булгаков пытался возобновить работу над романом. Но сильнейшее физическое и психическое переутомление не позволило ее продолжить. «Причина моей болезни, – писал Булгаков в письме Сталину 30 мая 1931 г., – многолетняя затравленность, а затем молчание... по ночам стал писать. Но надорвался... Я переутомлен...»

Великий канцлер (1932–1936)

Возвращение Булгакова к роману о дьяволе состоялось в 1932 г. Литературоведы выделяют третью (1932–1934) и четвертую (1934–1936) редакции романа. Объединенные вместе, они составляют первую рукописную редакцию. В третьей редакции появляются, наконец, поэт (Мастер) и его возлюбленная. Это ведет к необходимости существенных изменений и дополнений в сюжете. Поэтому четвертая редакция всецело продиктована стремлением расширить горизонты для новых героев. Она начинается знаменательной фразой автора: «Дописать раньше, чем умереть».

Князь тьмы

(1937)

В пятой редакции Булгаков окончательно определяется с образом Воланда. Если в «Великом канцлере» глава, посвященная выступлению артистов в Варьете, называлась «Белая магия и ее разоблачение», то теперь она стала именоваться «Черная магия». В окончательном варианте название выглядело так: «Черная магия и ее разоблачение». Эксперимент по оправданию дьявола был, так сказать, признан неудачным. Среди вероятных названий романа:

«Черный маг» → «Инженер с копытом» → «Великий канцлер» → «Князь тьмы»

возобладало, в конечном итоге, наиболее известное и наиболее устоявшееся (в смысле возможных функций и богословских характеристик). Это лишний раз подчеркивает, что Булгаков, создавая образ дьявола, ориентировался на христианскую традицию. Более того, начиная со следующей редакции, роман обретает свое подлинное имя – «Мастер и Маргарита». Дьявол уходит на второй план...

Вторая полная рукописная редакция романа (1938)

Шестая редакция и все ее последующие правки отмечены знаком кропотливой работы над уже готовым «телом» романа. Булгаков стремился «оживить» его, наполнить нужным настроением, устранить мелкие неточности. Но самое главное в этой окончательной правке осталось невидимым для исследователей.

Булгаков строго разнес действие по определенным дням недели, указал временные границы действия и «привязал» их к дню весеннего полнолуния. Говоря попросту, писатель зашифровал время происходящих событий. Для чего он это сделал? Чтобы рассказать своим потомкам нечто чрезвычайно важное. Чтобы они помнили...

За внешней фабулой романа скрыты реальные исторические события, о которых иносказательно поведал автор. Обратим внимание, и это в высшей степени важно: шифры в романе появились после 1937 года – важнейшего года в нашей отечественной истории. Но не торопитесь делать скоропелые выводы. С Булгаковым все непросто. Достаточно напомнить, что именно в этот страшный год он вывел дьявола из названия романа, сосредоточившись на другой теме, теме

Мастера...

Глава 3

Ведомство сатаны

Имя «Воланд» непривычно русскому уху. Оно взято Булгаковым из поэмы Гете «Фауст». Правда, упоминается там лишь однажды. Так называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечистой силы дать дорогу: «Дворянин Воланд идет!» В прозаическом переводе А. Соколовского (1902) это место выглядит так:

Мефистофель

Виджу, что мне надо пустить
в дело мои хозяйские права.
Эй, вы! Место! Идет господин Воланд!
Дорогу, почтенная шваль, дорогу!

В комментарии переводчик пояснял, что Воланд было одним из прозвищ черта. Оно произошло от немецкого «Faland» – что значит «обманщик», «лукавый» – и употреблялось уже средневековыми немецкими писателями². Имя «Фаланд», кстати, тоже звучит в романе, когда кассирша из Варьете пытается вспомнить фамилию мага. Булгаков выбрал в качестве одного из источников своего романа трагедию Гете, это важная подсказка, которая поможет нам разга-

дать тайны романа. Но в булгаковском сочинении есть своя «изюминка» — дьявол в нем уже не одинок, у него целая свита слуг. И они, в отличие от Воланда или того же Мефистофеля, не склонны к философии. Их удел — всячески дурить, мутузить, отравлять и жечь. Только действуют ли они стихийно, по наитию или у них есть конкретный план, за которым стоит мессир?

Так давайте же и мы, как тот «бессонный этаж одного из московских учреждений», проведем расследование преступлений воландовской банды. А их набирается немало — это убийство гражданина Берлиоза и барона Майгеля, таинственная смерть Мастера и Маргариты, исчезновение домработницы Наташи, скандальное выступление в Варьете, пожары в ресторане «Грибоедов» и Торгсине, мошенничество с Никанором Босым и Степой Лиходеевым, попытка свести с ума финдиректора Варьете Римского и странное душевное расстройство Ивана Бездомного. Рассматривая пристально поступки этой «добродетельной» и «добропорядочной» шайки злоумышленников, возглавляемой «морально безупречным» «задумчивым гуманистом»², мы неизбежно обратимся к изучению «ведомства» того, в ком Мастер опознал сатану.

Наверное, ни один читатель не усомнится в том, что в лице Воланда и его спутников московская публика встретила исключительно умелую организацию. Она неуловима, в чем убедился не только Иван Бездомный, но и московский угро-

зыск, не оставляет «следов», чему свидетельством пожар в «нехорошей квартире», а также отсутствие каких-либо письменных доказательств местопребывания шайки в Москве. Таинственным образом исчезает договор о найме квартиры и документы зрелищной комиссии. И нет ни одного случайного человека в той цепочке человеческих связей, которую Воланд ловко «потянул», – ведь осведомленность иностранца просто поразительна: имея волшебный глобус, черный маг не нуждается в обыкновенных источниках информации. «Мой глобус, – заявляет он, – гораздо удобнее, тем более, что события мне нужно знать точно» и признается: «...наши возможности довольно велики, они гораздо больше, чем полагают некоторые, не очень зоркие люди...» Наконец, эта организация имеет четкую иерархию. Во главе ее стоит Воланд, на следующей ступени – Коровьев, Бегемот, Азazelло, Гелла и Абадонна, еще ниже – «несколько похожих на Абадонну, черных и молодых». Кроме несколько загадочного имени Воланда и вполне земной фамилии Коровьева, остальные члены шайки носят мифологические имена демонов зла и мрака. Кто же эти создания? И какие отношения могли бы существовать между сатаной и подчиненными ему «князьями тьмы»? За ответом обратимся к мифологии.

Сатана – с древнееврейского «противник в суде, в споре или на войне, противоборствующий, обвинитель, наушник, подстрекатель». Греческий перевод слова «сатана» звучит как «диаволос» (русское – дьявол). Сатана в религиях

иудаизма и христианства – главный антагонист Бога и всех верных Богу сил на земле, враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов. Он противопоставлен Богу не на равных, не как антибожество, но как падшее мятежное *творение* Бога, обращающее против Творца силу, полученную от Него же; в конечном счете, сатана против собственной воли содействует исполнению *Божьего* замысла.

В библейской «Книге Иова» (1, 6–8) сатана назван в числе «сынов Божиих»: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее». И далее рассказывается, что дважды давал Господь сатане власть над телом и имуществом Иова, власть искушать веру Иова в Господа различными несчастьями, но не дал Господь сатане власть над душой человека: «...вот в руке твоей, только душу сбереги» (Иов 2, 5). А это значит, что сатане от Бога дана власть при жизни человека влиять на его судьбу, и если окажется человек отступником, хулящим промысел Божий, то после смерти грешника поступить с его душой по заслугам (но, так сказать, в пределах, установленных волею Божией).

Постепенно сатана наделяется новыми чертами. Его начинают представлять не только клеветником на человека перед Богом, но и клеветником на Бога перед человеком. К нему восходит все моральное зло мира. Внеобразный эквивалент сатаны – талмудическое понятие «злого помысла». Посколь-

ку же порождение греха вытекает из злого помысла, а «сделанный грех рождает смерть» (Послание Иакова 1, 15), то и образ сатаны приобретает черты ангела смерти, вынимающего душу человека.

У сатаны несколько имен. Одно из них – христианский дьявол – сложный образ, вмещающий в себя черты различных богов мрака древневосточных религий, богов загробного мира, демонов зла. Дьявол – владыка ада, подземного мира грешных душ, адской бездны, в которой совершается наказание за земные грехи. В «земной» жизни дьявол – повелитель ведьм и колдунов.

В Евангелии от Матфея упоминается еще одно имя «князя бесовского» – Вельзевул. Евсевий Иероним, переводчик и комментатор Библии (IV – нач. V в. н. э.) связывает его с именем упоминаемого в Ветхом Завете бога филистимлян Баал-Зебуба (Зевува) – «Повелителя мух». Археологи обнаружили на Ближнем Востоке древние изображения мух, вероятно, амулеты, посвященные Баал-Зебубу. Этот бог считался покровителем и защитником от мух, рои которых были бедствием для людей и животных в жарком климате Востока. Очевидно, это одно из частных проявлений общего сиро-финикийского божества Баала (Ваала).

В библейских книгах Вельзевул встречается в двух неодинаковых смыслах. В Ветхом Завете он упоминается как местное божество филистимлян, пользовавшееся известностью в качестве оракула, и у соседних народов, в том числе у евреев

в период их уклонения от истинной религии. В Новом Завете имя «Вельзевул» употребляется в смысле сатаны и главы бесов. Каким образом иудейская демонология отождествляет Вельзевула с сатаной – неизвестно. В современной науке существуют два толкования:

1) по-видимому, в еврейской среде бытовало имя сатаны «Забулус», перешедшее впоследствии в народную христианскую латынь (от искаженного греческого «диаволос»), в таком случае «Вельзевул» значит Ваал (Баал) – дьявол;

2) еврейский глагол, звучащий как «забал» – «вывозить нечистоты» в толковании раввинов использовался как метафора и означал духовную «нечистоту» – отступничество и идолопоклонство. В таком значении «Вельзевул» – «Повелитель скверн».

Таким образом, сатана – это дьявол, это – Вельзевул, это – Ваал-Зебуб. Ваал (первоначально Бал, Баал) значит буквально «господин», «владыка» – в западно-семитской мифологии обычное прозвище богов отдельных местностей и соответствует названию богов у древних евреев. Последние, однако, с незапамятных времен провели резкую разграничительную черту между своим богом и Ваалом, причем термин «Ваал» употреблялся ими для обозначения самого низменного идолопоклонства и никогда не прилагался ими к своему богу, но в обыденной речи имел значение «господин». Баал (Балу) – бог бури, грома и молний, олицетворение оплодотворяющего землю дождя, именовался богатырем, силь-

нейшим из героев, скачущим на облаке князем (возможно, отсюда библейский Вельзевул); известны его изображения в виде быка (символа плодородия) или воина с копьем-молнией в руках.

Итак, мы для себя, так сказать, идентифицировали того удивительного иностранца, который однажды весенним вечером появился на Патриарших прудах. Вспомним, кстати, каким представал Воланд перед Маргаритой. Впервые увидела она его лежащим в грязной рубаше на постели, с амулетом на шее в виде золотого жука на цепочке, в окружении дьявольского племени – чем же он не «повелитель скверн», не уважающий женщину, творение бога? (Хотя, на наш взгляд, встреча эта более напоминает древний шумеро-аккадский ритуал праздника плодородия – вступление царевны-жрицы богини плодородия в брачный покой бога для совершения священного брака.) И в последний раз увидела она его: «И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что, возможно, это лунные цепочки, и самый конь – только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд». Разве не узнаем мы в нем Вельзевула-Балу?

Теперь о слугах Воланда, об их именах.

Азазель (булгаковский Азazelло) в представлениях иудаизма – демон пустыни (бес), в жертву ему предназначался «козел отпущения», на которого «перелагались» грехи ев-

рейского народа, или падший ангел, упоминаемый в апокрифической «Книге Еноха», совратитель человечества, научивший мужчин военному и оружейному ремеслу, а женщин – блудным искусствам раскрашивания лица и вытравливания плода.

Аваддон (булгаковский Абадонна) – с древнееврейского «погибель», в иудаизме олицетворение поглощающей, скрывающей и бесследно уничтожающей ямы могилы и пропасти преисподней; фигура, близкая к ангелу смерти; Аваддон ведет против человечества карающую рать чудовищ. Имя Аваддон встречается не только в Ветхом Завете, но и в иудейских апокрифах, в литературе талмудического круга, в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова.

Этого демона смерти можно сравнить разве что с Молохом. До середины XX в. считалось (на основании Библии), что Молох – это почитавшееся в Палестине, Финикии, Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы, особенно дети... На основании изучения неопунических надписей конца первого тысячелетия до н. э. – первых веков н. э. немецким семитологом О.Эйсфельдом было выдвинуто предположение, что Молох – обозначение самого ритуала сжигания людей или животных, позже принятое за имя божества.

Действия Абадонны под стать ритуалу служения Молоху. За ними читатель может наблюдать вместе с Маргаритой на глобусе Воланда: «Домик, который был размером с гороши-

ну, разросся и стал как спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробочки ничего не осталось, кроме кучечки, от которой валил черный дым. Еще приблизив свой глаз, Маргарита разглядела маленькую женскую фигурку, лежавшую на земле, а возле нее в луже крови разметавшего руки маленького ребенка.

– Вот и все, – улыбаясь сказал Воланд, – он не успел нагрешить. Работа Абадонны безукоризненна».

Бегемот – в библейской мифологии сухопутное чудовище «с ногами как медные трубы, и костями, как железные прутья», настолько могучее, что «нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» – таков он, этот символ непостижимости божественного творения, узда для гордости человека: «клади на него руку твою, и помни о борьбе: вперед не будешь» (Иов 40–42).

Гелла – происхождение этого персонажа также должно выдавать ее демоническое происхождение. В древненорманнской и древнегерманской мифологии встречается имя Геллы (Геллии, Гель, Хель) – полубелой и получерной богини (вариант: получерной – полусиней), обитавшей в преисподней и принимавшей там души умерших от болезни или старости. Гелла – дочь Локи, древнескандинавского (древненорманнского) бога истребления, олицетворявшего губи-

тельный огонь, коварного духа зла. Ее имя со временем стало обозначать собственно ад в смысле местопребывания умерших.

Булгаковская Гелла своим обликом напоминает нам одну из самых прекрасных богинь древности – Афродиту, олицетворение планеты Венеры. Кстати, Афродита и сын ее Эрот, появляясь на Олимпе или на земле, повергали в трепет и страх богов и людей, боявшихся мук любви. Но классическая Афродита (богиня, вероятно, ближневосточного происхождения) имела когда-то и демонические черты. Она обладала магическим поясом, древним фетишем, в котором «заключалось все»: любовь, желания, слова обольщения, коварство, лесть, обман. Как злой дух, Афродита преследует неподчинившихся ее воле, и какой страх вызывает лук Эрота!

Но прелесть обнаженного тела Афродиты такова, что нагота «одевает» ее как одежды, а «золото волос, окутавшее плечи» (Ронсар), – как украшение к этому наряду. И разве не похож этот портрет на рыжеволосую нагую Геллу, красоту которой портил только багровый шрам на шее? Тем более, что у Геллы, как у Афродиты, есть и свой фетиш – фартучек, единственный предмет туалета, украшавший ее, и свой «Эрот» – Лжеваренуха, вместе с которым Гелла (в облике покойницы, т. е. демона смерти) однажды ночью навестила финдиректора Римского: «И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего

Купидона, выплыл медленно в окно через письменный стол Варенуха». Представление об Эроте (Купидоне) как о демоне-спутнике, а не как о божестве встречается еще у орфиков, давших Эроту, между прочими другими, эпитет «владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и тартара».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.